

мере не противоречит эволюционному принципу, – писал А.М. Панченко, – Эволюция культуры – явление не только неизбежное, но и благотворное, потому что культура не может пребывать в застывшем, окостенелом состоянии. Но эволюция эта протекает в пределах «вечного града» культуры. Даже в периоды скачков... старые ценности, выработанные многовековым народным опытом, только оттесняются на задний план, но не покидают «вечного града». Об этом стоит помнить» [4, с. 262-263].

Интерпретируя текущую действительность, или прецедентные феномены, или топосы культуры, журналистика тем самым вольно или невольно повышает ценность этих интерпретативов и формирует их ценностные характеристики в сознании адресата. Мера и степень ответственности СМИ за эту деятельность предопределяется уже самим выбором, требуя от языковой личности журналиста повышенной речевой и культурной компетентности.

Доминанта интерпретации над собственно творчеством в современной журналистике во многом демонстрирует нам естественную жизнь самобытной культуры, которая заключается в создании новых форм для выражения своего духа. Однако не всегда эти новые формы остаются в русле собственно национальной традиции: очень часто происходит механическое заимствование форм из других культур. Но видение мира одним народом нельзя простым «перекодированием» перевести на язык культуры другого народа. Коллективное бессознательное, или традиция, неизбежно оказывает сопротивление такого рода «духовной агрессии». Это одна из причин, по которой базовым принципом национальной информационной политики должен стать принцип ментальной идентичности [5, с. 106].

Журналист всегда должен помнить об этом и, интерпретируя тот или иной национальный культурный стереотип, опираться на общий запас культурных ценностей, на инвентарь культуры и образование. Владение всем комплексом культурных парадигм неизбежно будет очерчивать тот круг допустимых интерпретаций и изменений, который позволит сохранять, обновлять и оживлять культуру, а не разрушать ее.

Список литературы

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика: Пер. с фр. / Под ред. Г. К. Косикова. – М., 1994.
2. Гаряева Н. С. Социальная дифференциация языка и типология прессы // Язык и стиль современных средств массовой информации. – М., 2007.
3. Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. – М., 1996.
4. Панченко А. М. О русской истории и культуре. – СПб., 2000.
5. Попов В. Д. Информациология и информационная политика. – М., 2001.
6. Седов К. Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. – М., 2004.
7. Солганик Г. Я. Без кавычек. Об одном новом явлении в языке газеты // Журналистика и культура русской речи. – М., 1997. – Вып. 4.
8. Шалимова Г. С. Форма новая – проблема старая // Журналистика и культура русской речи. – М., 1996. – Вып. 1.
9. Эрли К., Мосаковски Э. Культурная компетентность // Harvard Business Review. Россия. 2004, декабрь. С. 104-109.

Герасименко И. А.

О НАПОЛНЕНИИ СМЫСЛОВОЙ ПАРАДИГМЫ ‘ТЪМА’ – ‘СВЕТ’ (НА МАТЕРИАЛЕ КОЛОРАТИВОВ ПЛАВЫЙ, ПАЛЕВЫЙ, ПОЛОВЫЙ, СОЛОВЫЙ)

Колоративы, обладая широким набором значений, выступают ценным источником знаний о наивной картине мира. Однако, несмотря на немалое количество и многообразие работ в области колоративной лексики (в том числе и прилагательных *плавый*, *палевый*, *половый* (диал. *полово́й*), *соловый* (диал. *солово́й*)), исследования этих слов несут разрозненный характер и сводятся в основном к выделению присущих им значений (см. работы М. Ивич, А. Чентинен, Р. Бакич и др.). Цель данной статьи – рассмотреть указанные цветообозначения (далее ЦО) в произведениях разных жанров с целью раскрытия их глубинных смыслов. При описании исходной семантики рассматриваемых адъективов учитывается «фактор севера» (см. работы В. Н. Демина, В. В. Богданова, У. Ф. Уоррена, А. Хомякова и др.), который «обусловил не только само возникновение человеческой речи, но и целый ряд ее более конкретных понятийно-смысловых особенностей» [13, с. 7]. По сути, с указанным фактором связываются случаи, когда при анализе номинации обозначенных слов значимым оказывается смысл ‘тъма’.

Как известно, традиционная этимология в лице М. Фасмера, А. Г. Преображенского, П. Я. Черных возводит слова *плавый*, *палевый*, *половый* к славянскому *pal-* / *pol-* с исходным значением ‘светлый’ и сближает их со ст.-слав. *īđāū* ‘золотистый’ и *īđāūē* ‘беловатый’, ‘изжелта-белый’ (ср.: русск. *плавый* ‘светло-желтый’; *палевый* ‘желтовато-белый’, ‘бледно-желтый с розоватым оттенком’, ‘соломенного цвета’; *половый* ‘бледный’, ‘светло-желтый’ [20, с. 230, 272, 313], [18, с. 353], [25, с. 616]). В свою очередь, *соловый* с якобы первичной основой *sol-* связывают со ст.-слав. *ñěīāhōū* и интерпретируют как ‘желтоватый’, ‘желтовато-серый’ [20, с. 712], [18, с. 353]. Лингвисты включают эти адъективы в группу синонимичных ЦО, сигнализирующих светло-желтый цвет, констатируя тем самым их связь со смыслами ‘желтый’ / ‘белый’ (‘блеклый’). Данная связь не вызывает сомнений, ибо именно так осмысливаются в современном языке названные лексемы. Однако трудно согласиться с тем, что ‘светлый’ – это единственный и тем более первичный смысл для разбираемых колоративов. Нельзя оставлять без внимания тот факт, что ЦО *плавый*, *палевый*, *половый*, *соловый* связаны и с семантикой темного цвета. Об этом свидетельствуют факты смыслового наполнения анализируемых прилагательных и близких к ним слов в русском и других языках. Ср. русск. *соловеть* ‘мутнеть’; укр. *соловити* ‘мрачнеть’, *половий* ‘красно-желтый’; лат. *pullus* ‘черный’, ‘темно-серый’; греч. *πελός* ‘посиневший’, ‘черно-голубой’; др.-в.-нем. *salō*, *salowēr* ‘темный’, ‘мутный’, ‘грязный’; н.-нем. *sól* ‘темный’, ‘грязный’; др.-исланд. *solr* ‘грязно-желтый’; в.-луж., н.-луж. *plowu* ‘мутный’ [20, с. 230, 313, 712], [18, с. 34, 353], [11, с. 26]. Такое истолкование некоторых из анализируемых лексем представлено и на функциональном уровне, например, в близком к колоративу *плавый* слову *заплавленный*. Ср.: *Нога его на секунду потеряла стремя, и он, чувствуя свое неустойчивое положение в седле, ловил стремя с внутренним страхом; свесившись, поймал, вдел носок и, подняв глаза, увидел орудийную запряжку шестерней, на передней – обнявшего руками конскую шею зарубленного ездового, в заплавленной кровью <...> рубaxe* [26 (1), с. 293]. В этом случае корень *плав-* не выступает в своем основном цветовом

значении, *плав-* обозначает смысл 'темный' / 'черный'. Отмеченный образ (*заплавленный кровью*) оттеняется сочетаниями *черная кровь, темная кровь*. Ср.: *Россия – Сфинкс. Ликуя и скорбя, / И обливаясь черной кровью, / Она глядит, глядит, глядит в тебя, / И с ненавистью, и с любовью!* [3, с. 237]; *Большая, мужского вида кисть правой руки лежала на столе, вторая рука болталась – и наливалась темной кровью* [19, с. 219-220]. Как видим, в приведенных примерах *плав-* = 'темный' / 'черный'.

Как известно, источник номинации любого цвета «находится там, где удастся отыскать соответствующие приведенным прилагательным (предметные) существительные» [13, с. 72]. Таким существительным по отношению к адъективам *плавый / половый* выступает лексема *половень* (юж. зап. тмб. 'рот' [8, с. 263]). Являясь однокоренным с колоративом *половый*, слово *половень* связано со смыслом 'темный', т. к. шифрует смысл 'рот', который, как известно, номинативно генетически пересекается со смыслом 'тьма', 'рот' = 'тьма' (об этом см.: [13, с. 8; 73]). Ср.: *Полный **половень** белых голубей* (рот) [8, с. 263]. Поэтому тексты с синтагмами *черный рот, черное отверстие рта, темное отверстие рта* случайными назвать нельзя. Ср.: *Щетинятся сталью, трясясь от страха, / Залезли на пушки, примкнули штык, / Но бегают глаз под серой папахой, – / Из **черного рта** – истошный рык...* [6, с. 170]; *Голова его тряслась еле заметной и ровной дрожью, и нижняя челюсть бессильно отвисла; с усилием он подбирал ее, облизывая языком сухие пересыхающие губы, но через минуту она падала снова и открывала **черное отверстие рта*** [1, с. 321]; *Рот кривится на сторону, мышцы лица напрягаются, как веревки, зубы по-собачьи оскаливаются, и из **темного отверстия рта** и идет этот отвратительный, ревуший, свистящий, хохочущий, воющий звук...* [1, с. 321]. Здесь *черный рот, черное (темное) отверстие рта* = 'тьма'. Это дает нам право предположить, что лекема *половень*, синтагмы *черный рот* и *черное (темное) отверстие рта* в той или иной степени представляют смысл 'темный'.

Смысл 'тьма' реализует и родственное с адъективами *плавый / половый* слово *полова* (зап. юж. [8, с. 263]). Так, существительное *полова* со значением 'мякина', 'отходы в виде пыли, получаемые при обработке зерна хлебных злаков, льна' восходит к смыслу 'пыль', а 'пыль' = 'верх' = 'тьма' [13, с. 73]. Далеко не случайно, что образ пыли ассоциируется с темнотой / чернотой и, соответственно, сочетается с колоративом *черный*. Ср.: *Тучей саранчи висела над его крышами **черная пыль**, которую поднимали валившие через него войска и обозы* [16, с. 130]. Приведенные факты дают нам право говорить, что *плавый / половый* через *полова* (как и *половень*) связаны с первичным смыслом 'тьма' / 'мрак'.

Анализ фактического материала показывает, что смысл 'темный' отображен и в укр. *полова*, которое фактически эквивалентно русск. *солома*. Свидетельством в пользу идеи тождества русского *солома* и украинского *полова* выступает их функциональная семантика. Ср. идиому *голова [не] **половою** набита* [23, с. 182], которая эквивалентна русск. *голова [не] **соломой** набита* [21, с. 112], а также выражение *солома в голове* [22, с. 601] 'предельно глуп, туп, бестолков' (< 'тьма'). Можно утверждать, что *полова* и *солома* (а значит, и *половый, соломенный*) типологически восходят к общему смыслу 'тьма' / 'мрак' и, следовательно, содержательно неоднозначны.

В свою очередь, лексема *соловый*, которая восходит к примитиву *си-* с исходным смыслом 'тьма' и родственна с адъективом *синий* (ср.: *су-* → *сва-* → *сла-* → *сол-* → *сол-ов-ый* и *су-* → *сна-* → *сня-* → *сьня* → *синя*; об этом см.: [12, с. 8-9]), включает элемент *сол-*. В свою очередь, *сол-* соотносится со *слон-*, откуда *за-слон-ить* = *за-темн-ить, по-солов-ить* = *по-темн-ить*, где *сол-* / *слон-* = 'небо' ~ 'тьма'. Если принять во внимание сказанное, то становится намного более понятным смысловое наполнение слов *соловый, соловеть*, отмечаемое в лексикографических и других источниках. Ср.: *делаться **соловым*** (= 'мутиться') [18, с. 353], *глаза **посоловели*** (= 'потемнели') (XVI в. – Заб. Б. 2, с. 852; цит. по: [15, с. 192]), *очи **соловы*** (= 'мутные') (Новг. каб. кн. I, 193, 1603 г.; цит. по: [2, с. 105]); *в серую субботу, ... в **соловую** пятницу* (= 'темную') (XVI в. – Заб. Б. 2, с. 852; цит. по: [15, с. 192]). Эта же семантика прилагательного *соловый* и близких к нему слов отражена и в художественной литературе. Например: *Девушка открыла усталые и **посоловелье** глаза, тупо посмотрела на допрашивающих и отмахнулась рукой* [9, с. 25]. Здесь *посоловелье* осмысливается как 'мутный', значит, 'темный'.

Исходя из вышесказанного, можно заключить, что ЦО *плавый, палевый, половый, соловый* изначально были связаны с сигнализацией темного цвета.

Однако данные прилагательные передавали семантику не только темного цвета. Как уже говорилось, различными этимологическими источниками зафиксировано в *pal-/pol-* и *sol-* значение светлого. Но и в русском, и в других языках связь данных слов с семантикой 'светлого' (как, впрочем, и 'темного') остается невыясненной. Объяснить участие одного и того же слова в обозначении цветовой противоположности возможно, если соотнести процесс глоттогенеза с идеей севера, переживанием смен 'тьмы' и 'света'. Вполне очевидно, тьма / мрак – исходный аспект восприятия всего сущего. По этой причине мироздание и мыслится как переход от тьмы к свету, от черного к белому. Смысл 'светлый' возник лишь вторично, на основе 'темного' («свет, светлое были исходно названы как части целого <...> по мраку / тьме», «по целому, тьме, были названы луна, звезды и свет в целом», – пишет Н. А. Луценко [12, с. 6, 8]). Этим и обусловлена скрытая парадигматическая связь в значении разбираемых лексем смысла 'темный' с различными оттенками 'белого' ('белесого') / 'желтого'. Получив семантику 'светлого', ЦО *плавый, палевый, половый, соловый* в смысловом плане стали отождествляться со 'светлым' ('белым' и 'белесым'). Ср., например, функционирование родственного колоративу *половый* компонента *половеть* в выражении *хлеб **половет*** и его семантического эквивалента *хлеба **белесились*** в: *Хлеб уж **половет** в поле* [8, с. 263]; *Взгорье горбилося до ближнего леса, дальше **белесились хлеба, перерезанные дорогой, и опять зеленые глянцевоы ломти клевера*** [26 (1), с. 255]. Здесь *половет* и *белеситсь* означают 'спеет' (= 'светлеет'). Данный факт находит подтверждение и в области лексических пересечений исследуемых слов. В частности, корни *pal-/pol-* и *sol-* этимологически связаны с лат. *flavus* 'желтоватый'; др.-в.-нем. *falo* 'светловолосый', 'беловатый'; н.-нем. *fahl* 'бледный'; англ. *fallow* 'то же'; а также др.-инд. *hari* 'желтый'; лат. *helvus, hilvus* 'медового цвета, соловый'; англ. *sallow* 'бледный' [20, с. 313], [18, с. 35, 712], т.е. представляют в совокупности наряду с первичным значением 'темный' значения 'светлый', 'желтый'. Поэтому данный факт

нельзя отнести к числу «необъяснимых особенностей» [14, с. 104], его нужно рассматривать в числе закономерных следствий развития языка в условиях «черно-белого» года.

Из сказанного становится понятным включение адъектива *палевый* (= 'светлый') в один ряд со словом *желтый*, где образы *небесно-палевых полей* и *желтых полей* и *копен* семантически эквивалентны. Ср.: *И дремлет медленная воля, – / Секунды навсегда отступала – / Небесно-палевое поле – / Подземного приемник купола* (М. Кузьмин: [17, с. 234]); *Мне неведомы были просторы, состоящие сплошь из лугов и желтых щедрых полей* [7, с. 126]; <...> *невидящим взором оглядывая степь, пыльную дорогу, желтую россыпь копен, зеленовато-бурые делянки вызревающего проса* [26 (4), с. 156]. Тождественность значений 'палевый' и 'желтый' в приведенных примерах объясняется их общим смыслом: 'палевый' и 'желтый' – это в данных контекстах 'светлый'.

С развитием языка прилагательные *плавый*, *палевый*, *половый* стали осмысливаться как слова, передающие собственно значение светло-желтого цвета (см., например, ц.-слав. *плавый* 'изжелта-беловатый'; укр. *половий* 'желтый'; чешск. *plavý* 'буланый', 'светло-желтый'; польск. *plowy* 'соломенный'; латыш. *pals* 'желтоватый', 'чальный' [20, с. 229, 313], [18, с. 94], [8, с. 119], [11, с. 26]). При этом русск. *плавый* вышло из активного употребления, семантика адъектива *половый* «постепенно сузилась до узкой области масти лошадей» [5, с. 25], а *палевый* как ЦО с наиболее обобщенным значением стало выражать и масть, и цвет. Ср.: *Половой хорт с подпалинами* [8, с. 1263]; *Пуни и полночь. Пуни и негла / Ниспадение на персидский / Палевый халат – и платья / Бального пустая пена / В пыльном зеркале...* [24, с. 136]; *И теперь туда, почти к самым облакам, по полоному, поросшему выжженной травой склону каждое утро резвым аллюром поднимался светло-палевый конь* [10].

В свою очередь, адъектив *соловый* как 'светлый' реализовался в виде гиппологического наименования, получив, тем самым, «узкую, терминологически предметную соотношенность» [15, с. 192]. Например: *А он тянул за повод высокую зрязно-соловую лошадь, безобразную от старости и худобы <...>* [4, с. 155]. При этом *половый* и *соловый* как гиппологические наименования стали отождествляться и взаимозаменяться. Ср. идиому *половый соловому под масть* и составное прилагательное *полово-соловый* [8, с. 263].

Изложенное показало, что в текстах различных авторов и временных рамок реализуется многообразный, но далеко не хаотичный номинативный смысловой потенциал адъективных слов *плавый*, *палевый*, *половый*, *соловый*. Данные колоративы и близкие им соответствия, имея номинативную генетическую связь со смыслом 'темный', спорадически употребляются для обозначения 'темного'. Получив семантику светлого, лексемы *плавый*, *палевый*, *половый*, *соловый* реализуют значения 'желтый' и 'белый' ('белесый'). Только естественной смысловой эволюцией объясняется то, почему одни и те же слова, сначала взаимозаменяясь и отождествляясь, стали участвовать в номинации очерченных значений. Приведенные наблюдения показывают, что для понимания смыслового наполнения колоративной лексики важно учитывать «фактор севера».

Источники и литература

1. Андреев Л. Н. Иуда Искариот: Повести и рассказы. – М.: Изд-во ЭКСМО, 2005. – 656 с.
2. Бахилина Н. Б. История цветообозначений в русском языке. – М.: Наука, 1975. – 288 с.
3. Блок А. А. Избранное. Стихотворения и поэмы. – Краснодар: Кн. изд-во, 1978. – 271 с.
4. Бунин И. А. Повести и рассказы / Сост., предисл. и комм. А. Саакянц. – М.: Правда, 1982. – 576 с.
5. Василевич А. П. Этимология цветоименований как зеркало национально-культурного сознания // Наименования цвета в индоевропейских языках: Системный и исторический анализ / Отв. ред. А.П. Василевич. – М.: КомКнига, 2007. – С. 9-28.
6. Гиппиус З. Н. Стихотворения: Живые лица / Вступ. статья, Сост., подгот. текста, коммент. Н. Богомолова. – М.: Худож. лит., 1991. – 471 с.
7. Гришковец Е. Реки. Повесть. – М.: Махаон, 2005. – 192 с.
8. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х томах. – М.: Рус. яз. – Т. 3. – 1982. – 555 с.
9. Достоевский Ф. М. Преступление и наказание: Бедные люди: Романы; Дядюшкин сон: Повесть / Худож. Р. Вейлерт. – М.: Худож. лит., 1983. – 400 с.
10. Дубинянская Я. Ралф и Ролль // <http://yanadubynianska.iatp.org.ua/Proza/Ralf&Roll.html> (11.09.2004).
11. Кезина С. В. История цветообозначений в русском языке: Учеб.-метод. пособие к спецкурсу / Пензен. гос. пед. ун-т им. В.Г. Белинского. – Пенза, 2000. – 50 с.
12. Луценко Н. А. Из записок по диахронической семантике: 'синий' // *Нова філологія*. – Запоріжжя, 2004. – № 1 (20). – С. 5-13.
13. Луценко Н. А. Истории слов. К типологии семантических и звуковых изменений в языке. – Горловка: Издательство ГППИИЯ, 2007. – 107 с.
14. Мурьянов М. Ф. К интерпретации старославянских цветообозначений // *Вопр. языкознания*. – 1978. – № 5. – С. 93-109.
15. Одинцов Г. Ф. История русских гиппологических цветообозначений // *Исследования по словообразованию и лексикологии древнерусского языка*. – М.: Наука, 1978. – С. 172-221.
16. Пастернак Б. Л. Доктор Живаго: [роман] / Борис Пастернак. – М.: АСТ АСТ МОСКВА: Транзиткнига, 2006. – 539 с.
17. Серебряный век русской поэзии: Сборник / Сост., авт. коммент.: И. Г. Панченко, Л. В. Скуратовский; Авт. предисл. В. Л. Скуратовский. – К.: Дніпро, 1991. – 639 с.
18. Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка: в 2-х т. – М., 1959. – Т. 2. – 1284 с.
19. Улицкая Л. Бедные родственники: Рассказы. – М.: Изд-во Эксмо, 2003. – 224 с.
20. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачев. – 2-е изд., стереот. – М.: Прогресс, 1986-1987. – Т. 3. – 832 с.
21. Фразеологический словарь русского языка: Свыше 4000 словарных статей / Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров; Под ред. А. И. Молоткова. – 4-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1986. – 543 с.
22. Фразеологический словарь русского литературного языка / Сост. А.И. Федоров. – М.: ООО «Фирма Издательство АСТ», 2001. – 720 с.
23. Фразеологічний словник української мови / Уклад.: В.М. Білоноженко та ін. – К.: Наук. думка, 1999. – Т. 1. – 528 с.
24. Цветаева М. И. Избранное. – М.: Изд-во Эксмо, 2005. – 384 с.
25. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. – 7-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз. – Медиа, 2006. – Т. 1. – 621 с.
26. Шолохов М. А. Тихий Дон: Роман в 4-х кн. // Шолохов М. А. Собр. соч. в 8-ми т. – М.: Худож. лит., 1985-1986. – Т. 1. – 351 с.; Т. 4. – 432 с.

Условные сокращения

Заб. Б. 2, с. 852. – Забелин И. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст., ч. 2. – М., 1915.

Новг. каб. кн. I. – Новгородские записные кабальные книги 103, 104 и 111 годов (1591-1596 и 1602-1603). Под ред. А. И. Яковлева. – М. – Л., 1938.